

М. М. ГОРЕЛОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОМЫ ПРОШЛОГО В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ПОЛИДОР ВЕРГИЛИЙ

Статья посвящена отражению исторического прошлого Англии в труде итальянского учёного и гуманиста Полидора Вергилия, работавшего по приглашению первых Тюдоров. Произведение Полидора положило начало синтезу ренессансной манеры историописания с традициями английской исторической хронистики. Оно отвечало актуальной потребности в новом осмыслении национальной истории.

Ключевые слова: Полидор Вергилий, Тюдоры, Ренессанс, гуманизм.

Первая треть XVI века в истории Англии была периодом относительного благополучия и стабильности. После кровопролитных междоусобиц предыдущего столетия, известных как войны Роз и потрясавших страну почти 30 лет (1455–1485), на престоле утвердилась новая династия Тюдоров, возникшая в результате брака представителя боковой ветви Ланкастеров Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской, что, таким образом, положило конец долгой вражде двух аристократических домов. После победы над последним королём из династии Йорков, Ричардом III, при Босворте в 1485 г. Генрих Тюдор короновался как король Генрих VII. Правление Генриха VII (1485–1509) и его преемника Генриха VIII (1509–1547) характеризовалось относительной политической стабильностью, во многом благодаря тому, что в войнах Роз физически уничтожили друг друга наиболее агрессивные и беспокойные феодальные роды, бывшие оплотом междоусобных смут. Преодолев эти смуты, Англия вышла из них окрепшим и устойчиво развивающимся государством, постепенно превращаясь из небогатой периферийной страны в будущую европейскую державу. Этот процесс был отчасти приторможен новыми внутренними потрясениями, обрушившимися на Англию в связи с началом королевской Реформации в 1534 г. и свергнувшими её в пучину религиозных конфликтов, столь характерных для тогдашней Европы, однако, обошедшихся меньшими жертвами, чем, например, религиозные войны в более крупных европейских государствах того времени, таких как Франция или Германия.

Важные изменения, происходившие в культурной и экономической жизни континента в XV–XVI вв. и обозначившие переход от Средневековья к Новому времени, с некоторым опозданием затрагивали и Анг-

лию. Хотя значительный вклад англичан в Великие географические открытия и развитие промышленности был пока ещё делом недалёкого будущего, в страну уже проникали веяния культуры Ренессанса, развивались города, университеты, книгопечатание. Столетняя война с Францией, хотя и велась она на французской территории, способствовала завершению складывания английского национального самосознания и языка. Аналогичные процессы, впрочем, происходили во многих европейских странах, знаменуя собой преодоление средневековой феодальной раздробленности и складывание новых, национальных государств. Специфика Англии в этом контексте заключалась скорее в том, что вместо феодальной раздробленности, которая так и не успела развиться в Англии как таковая, страну долгое время разделял глубокий социокультурный разлом, начало которому было положено ещё Нормандским завоеванием в XI в. Благодаря этому, Англия в политическом и культурном смыслах на несколько веков стала своего рода периферией французского культурного пространства. Английские короли и бароны, зачастую даже не знавшие английского языка новых подданных, сохраняли тесные связи со своими прежними владениями во Франции, роднились с французской аристократией, вели частые войны на континенте, создавая так называемую «Анжуйскую империю», в которой Англия занимала порой отнюдь не главное место. В культуре правящей элиты, образовании, делопроизводстве господствующее место занимал французский язык. Этот разлом был преодолен лишь к середине XIV в., когда Столетняя война и образ француза как противника постепенно сблизили элиту с народными массами в культурном смысле и способствовали формированию новой, общеанглийской национальной идентичности, выходу Англии из французского культурного пространства¹.

От проигранной Столетней войны и предшествовавших ей многовековых конфликтов между Англией и Францией тюдоровская монархия унаследовала этот малоперспективный вектор внешней политики; первые Тюдоры по-прежнему пытались вести военные кампании во Франции, не оставляя надежд вернуть былое геополитическое влияние Англии в этой стране. Вероятно, в немалой степени тут сказалось и активное вмешательство Франции во внутрианглийские войны Роз, выгодно дестабилизировавшие обстановку в Англии и, таким образом, устранявшие некогда сильного противника. Так или иначе, английские короли упорно не отказывались от формальных претензий на французский престол, становясь заложниками этих необоснованных замыслов, хотя реально под

¹ Подробнее об этом см.: *Калмыкова, 2010.*

властью англичан во Франции оставался лишь порт Кале, утерянный в 1558 г. Вялая конфронтация с франкоязычным миром, доставшаяся в наследство от Столетней войны, оставалась фактором формирующегося английского национализма, который, в свою очередь, требовал легитимизации в рамках нового дискурса, определяемых культурой Ренессанса, культурой европейских гуманистов. Требовала её и сама тюдоровская монархия, только-только упрочившая своё положение. Между тем, прежние каноны английского историописания уже не отвечали современным задачам. Англия нуждалась в создании новой национальной истории, адекватно отвечающей запросам образованной публики, жившей в век книгопечатания. С этой целью Генрих VII и обратился к итальянцу Полидору Вергилию, о котором пойдёт речь ниже.

Имя Полидора Вергилия не очень широко известно отечественной аудитории. В отличие от англоязычной историографии, где ему посвящено немало работ, в России о Полидоре Вергилии до сих пор пишут редко. В этой связи, можно отметить статью Е.Г. Пивоварова «Придворный историк Генриха VII о приходе Тюдоров к власти (Полидор Вергил у истоков тюдоровской историографии)», написанную в 2001 г. Также о Полидоре даёт краткий очерк Е.В. Калмыкова в своей обширной монографии «Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья» (2010), посвященной другим вопросам.

Полидор Вергилий был уроженцем итальянского города Урбино (1470) и происходил из семьи образованных горожан, приближённых ко двору местного герцога. Он получил образование в Падуе и Болонье, в 26 лет принял сан и поступил на работу секретарём к герцогу, затем продвинулся по карьерной линии в Рим, к папскому двору. Литературная известность Полидора способствовала приглашению его в Англию Генрихом VIII, благо в то время распространилась «мода» на образованных итальянцев в странах, бывших культурной периферией по отношению к центрам ренессансной учёности. Итальянские гуманисты уже во второй половине XV в. приглашались для написания исторических сочинений правителями Франции, Германии (Священной Римской Империи), Испании, Венгрии². Данная «мода» была во многом обусловлена потребностью в повышении уровня образования и учёности, который в Англии и других периферийных странах был довольно провинциальным по сравнению, например, с университетами Италии и Германии³.

² Пивоваров. 2001. С 35-36. Калмыкова. 2010. С.447.

³ Cobban. 2003. P. 370.

Полидор прибыл в Англию в 1502 г., сопровождая своего покровителя Адриано де Кастелло, вместе с которым собирал там церковный налог. В дальнейшем Кастелло занимал видные посты в английской церкви, стал кардиналом и был одним из доверенных агентов короны в Риме, а карьера Вергилия стал архидьяконом, неоднократно посещал Италию по дипломатическим делам, с переменным успехом участвовал в интригах вокруг борьбы за выгодные церковные должности и, наконец, лояльно принял королевскую Реформацию. В самом конце жизни Вергилий посетил родной город Урбино, где и скончался в 1555 г.⁴

Полидор Вергилий, как и его современник Томас Мор, был членом лондонского кружка гуманистов “Doctor’s Commons”, объединявшего часть интеллектуальной элиты столичного общества и состоявшего в дружеских связях и переписке с гуманистами континентальной Европы (в частности, с Эразмом Роттердамским). Членами кружка и друзьями Полидора были такие представители английской интеллектуальной элиты как, например, Кристофер Урsvик (видный дипломат, не раз выполнявший ответственные поручения правительства за рубежом, друг самого Эразма Роттердамского), Джон Колет, Кутберт Тэнстолл (епископ Лондона с 1522 г.), Томас Линакр, Джон Фишер, Уильям Гроукин. Все эти люди вращались в университетской среде, были преподавателями или чиновниками в сфере образования⁵. Сам Полидор поддерживал дружеские и деловые отношения с Эразмом, с Леонардо да Винчи⁶.

Если латинская литература изучалась и в Средние века и, собственно, развивалась в рамках западной (католической) традиции, то изучение древнегреческой литературы стало относительно новым делом. Кроме того, изобретение и распространение книгопечатания, а также поворот в мировосприятии и духовной жизни европейского общества от средневекового клерикализма в сторону секуляризма, обусловили акцент на большем интересе к человеку, а не к теологическим вопросам. Гуманисты, оставаясь искренне верующими людьми, совершенно не отрицали идей божьего промысла и подчинённости истории человечества божьей воле. Однако в их представлении Бог оставался лишь первичной силой, придающей движение событиям, а сами события следовало постигать через изучение причинно-следственных связей, в сложности которых проявляла себя божья воля. Поэтому, в отличие от средневековых хронистов, все объяснявших непостижимой волей Бога, гуманисты прида-

⁴ Gransden. 1982. P. 430-431.

⁵ Cobban. 2003. P. 366, 389.

⁶ Калмыкова. 2010. С. 448.

вали особое значение исследованию каузальных связей, анализу фактографии, верификации исторических фактов⁷.

Литературное наследие Полидора Вергилия достаточно обширно. Его перу принадлежат такие труды как “*Proverbiorum Libellus*” (собрание изречений и пословиц латинских авторов, 1498), “*De Inventoribus Rerum*” («Об изобретателях», изложение в типично энциклопедистском духе о религии, обычаях, искусствах и учёности разных народов, 1499), переводы Хризостома, наконец – первое печатное издание труда Гильды «О гибели Британии». Что же касается его «Английской истории», он начал её, по всей видимости, в связи с распоряжениями Генриха VII о написании адекватной и современной истории страны и завершил в 1531 г., доведя повествование до 1513 г. Труд был написан на классической латыни и создавался в несколько этапов, подвергаясь доработке и дополнениям, особенно в связи с частыми сменами правящих монархов, смена которых на английском престоле в первой половине XVI в. проходила, порождая известные политические и религиозные конфликты и потрясения. Ни одного полного издания “*Anglica Historia*” не сохранилось. При жизни автора она издавалась трижды – в 1534, 1546 и 1555 г., частично была переведена на английский и издавалась впоследствии в XIX в. известным Кемденовским Обществом (1844-1846)⁸.

Источниковая база труда Полидора, с одной стороны, была достаточно широкой, учитывая значительное литературное наследие почти тысячелетнего английского историописания, причём как собственно англо-саксонских и английских хронистов, так и античных, и кельтских авторов – например, Гильды (Гильдаса), труды которого Полидор впервые издал. С другой стороны, Полидор отмечал, что написанные монахами средневековые хроники – «примитивны, прямолинейны, лживы»; они не соответствовали тому современному (в понимании самого Полидора) стилю написания исторических сочинений, который диктовала эпоха Ренессанса. Задачу исторического повествования ренессансные историки видели в сочетании двух функций: стремления к достижению максимальной правдивости на основе излагаемых фактов и, одновременно, в дидактическом поучении, морализаторстве, которое придавало этическую оценку сюжету и позволяло вывести из него нравственное поучение современникам и последующим поколениям. Поскольку последнее достигалось в значительной мере через стилистически пышную, развёрнутую манеру повествования, присущую литературе Ренессанса и

⁷ Gransden. 1982. P. 426-427.

⁸ Gransden. 1982. P. 425, 431. Пивоваров. 2001. С. 36.

опирающуюся на античные риторические образцы, неудивительно, что из средневековой английской хронистики наиболее заслуживающими внимания и одобрения Полидору виделись Уильям Малмсберийский и Матвей Парижский, чьи труды как раз отличались таковыми достоинствами, контрастируя с аскетизмом и прямолинейностью, например, англо-саксонских хронистов. Вместе с тем, упор на одну только литературную цветистость в ущерб фактологии также являлся для ренессансного историка видимым нарушением гармонии двух задач историописания, как, например, это имело место в трудах Гальфрида Монмутского, известного валлийского писателя XII в., критикуемого Полидором за недостоверность, в частности, применительно к Артуровскому циклу, созданному на основе переработанных кельтских эпических сказаний⁹.

Достижение достоверности виделось Полидору возможным, во-первых, через исключение предвзятых, эмоциональных оценок имеющих данных. В частности, тот факт, что Полидор был иностранцем для английской публики, должен был, по его мнению, устранить националистические симпатии и антипатии, свойственные учёным, пишущим о своей родной стране. Во-вторых, достоверность излагаемого должна была подкрепляться максимальным охватом и анализом имеющихся источников. Если точки зрения разных источников были спорными или не давали какой-либо чёткой картины прошлого, то, по мнению Полидора, следовало перечислять и цитировать все позиции, для того чтобы читатель мог самостоятельно делать из них выводы, по своему усмотрению¹⁰. Фактически, в труде Полидора Вергилия наличествовало сочетание местных традиций историописания (средневековых хроник, базировавшихся преимущественно на аристотелевской логике) с методами гуманистов, среди которых можно отметить влияние политико-риторической школы Л. Бруни (с морализаторско-пропагандистским оттенком) и школы эрудитов Ф. Бьондо с её критическим подходом к источникам¹¹.

«Английская история» Полидора выстроена следующим образом: в первых частях книги он даёт описание географических условий и общего облика населения Британии, затем следует хронологическое изложение событий английской истории до Нормандского завоевания (1066); затем Полидор склоняется к манере Светония, продолжая изложение уже по царствованиям отдельных монархов, с характерными портретными изображениями их личностных особенностей, нравов, деяний.

⁹ Gransden. 1982. P. 434, 436-437.

¹⁰ Gransden. 1982. P. 433, 435-436.

¹¹ Пивоваров. 2001. С. 36. Cobban. 2003. P. 370.

В предисловии, адресованном в риторической манере королю Генриху VIII, Полидор излагает основные мотивы историописания; по его словам, людям испокон веков было присуще хранить память о добродетелях и деяниях предков, причём в значительной степени для того, чтобы подражать положительным примерам и избегать повторения отрицательных. Таким образом, морально-дидактическую функцию истории он с самого начала не отделяет от познавательной, что красной нитью будет проходить через всю книгу. Вместе с тем, Полидор сетует на то, что история «добродетелей и деяний» обитателей Британии относительно бедна историческими описаниями, из коих он считает заслуживающими упоминания лишь труды Беда Достопочтенного и Гильдаса. К анналам и хроникам последующих веков он относится несколько презрительно, подчёркивая, что стиль их повествования мало приемлем для современного читателя. Именно поэтому он берёт на себя задачу «начать с начала» (ab ovo) изложение истории страны, адресуясь к просвещённой публике своего времени – не только английской, но и зарубежной¹².

Основное повествование открывается подробным описанием Англии и Шотландии в энциклопедическом стиле, получившем широкое распространение в трудах, создававшихся европейской мыслью на протяжении всего раннего Нового времени. Ярким примером этого стиля был знаменитый труд английского автора Ранульфа Хигдена «Полихроникон», созданный ещё в XIV в., но «Полихроникон» был для своего времени исключением, тогда как книга Полидора Вергилия создавалась в условиях уже достаточно развитой и укоренившейся гуманистической традиции. Описания стран в таких трудах отличались всеохватностью: авторы стремились изложить всю известную им информацию. Так, у Полидора мы видим не только описание регионов, политико-административного деления, природных условий, ландшафтов, флоры и фауны, этнографического облика населения (включая его внешность, обычаи, кухню, темперамент), но и перечисление полезных ресурсов той или иной области страны, анализ местной экономики, торговых путей, земледелия и скотоводства, экспорта и импорта различной продукции, что, вероятно, могло бы пригодиться всем желающим иметь деловые связи с данной страной или её областью. Всё это соответствовало зарождающемуся в раннее Новое время антикваризму, который, как метод, предполагал комплексное исследование «древностей» – географических, топографических, этнологических, языковых и прочих¹³.

¹² *Polydore Vergil* (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#letter>)

¹³ *Gransden*. 1982. P. 437.

Далее, переходя непосредственно к истории Британии, Полидор обращается к важнейшему вопросу, который фигурировал во все времена в исторических произведениях самых разных стран, народов и культур, являясь ключевым моментом для самоидентификации этноса и легитимизации его государственности – вопросу об этнических истоках населения страны (ср. с рус. «Откуда есть пошла Русская земля», например). Он приводит различные точки зрения хорошо знакомых ему античных авторов – Цезаря, Тацита, Ливия, Плиния, а также дополняет их сведениями из Гильды и Беды, приходя по сумме почерпнутой у них информации к выводу о кельто-иберийском происхождении исконного населения Британии. Вместе с тем, Полидор решительно отвергает и разоблачает впервые изложенный Саллюстием и впоследствии охотно тиражировавшийся средневековыми авторами исторический миф, согласно которому британская государственность восходит к выходцу из Трои, легендарному Бруту, в ходе вынужденных странствий прибывшему на Британские острова¹⁴. Подробности странствий и приключений Брута, которые привели его на Британские острова, описаны, в частности, в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского:

«6. По окончании Троянской войны Эней, спасаясь после падения Трои с сыном Асканием, прибыл на корабле в Италию. Радужно принятый там царем Латинном, он возбудил против себя ненависть Турна, царя ругулов, и с ним сразился. В этом поединке Эней одержал верх над Турком.и, убив его, овладел царством Италией и получил в жены Лавинию, дочь Латина. По кончине Энея облеченный царскою властью Асканий основал Альбу на Тибре и породил сына, имя коему было Сильвий. Последний, поддавшись соблазнам тайной любви, вступил в связь с племянницей своей бабки Лавинии, и девушка от него зачала. Когда об этом узнал Асканий, его отец, он повелел своим прорицателям установить, младенцем какого пола беременна девушка.

Дознавшись истины, прорицатели объявили, что в чреве у нее мальчик, которому суждено умертвить своего отца и свою мать, и что, обойдя изгнанником многие земли, он достигнет в конце концов вершины славы. Это прорицание не обмануло их. Ибо когда наступил срок родов, женщина произвела на свет мальчика и, рожая его, умерла. Его отдали на попечение повивальной бабке и нарекли Брутом.

7. По смерти отца Брут подвергся изгнанию из Италии... Покинув родину, он достиг областей Греции и набрел на потомков Гелена, сына Приама, которые, пребывая во власти царя греков Пандраса, томились у него в рабстве...

Плывя с попутными ветрами к обетованному острову, он пристал, наконец, к Тотонскому побережью.

21. На острове, который назывался тогда Альбионом, не жил никто, кроме немногих гигантов. Тем не менее, его чарующие глаз человеческий дивные земли, обилие рек, богатых рыбой, его нетронутые леса внушили как самому Бруту, так и его спутникам страстное желание поселиться на нем. Обойдя несколько облас-

¹⁴ Polydore Vergil. <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#18-20>

тей, троянцы прогнали обнаруженных ими гигантов, укрывшихся в горных пещерах, и распределили между собой всю страну, поставив правителя над каждой ее частью. Они начинают возделывать пашни и строить жилища, так что короткое время спустя ты мог бы счесть этот остров землей, обитаемой испокон веков. Наконец, Брут по собственному имени нарекает его Британией, а своих соотарищей бриттами; ведь ему хотелось в этих названиях запечатлеть навсегда свое имя. Отсюда и язык народа, который прежде прозывался троянским или исковерканным греческим, впоследствии стал именоваться бриттским»¹⁵.

Именно Полидор Вергилий развенчал мифы, культивировавшиеся в средневековом английском историописании, прежде не ставившиеся под сомнение как достоверные исторические сведения. Именно с этой целью Полидор с помощью К. Тэнстолла впервые издал труд Гильды «О гибели Британии», повествующий об англо-саксонском нашествии, и критиковал Гальфрида Монмутского¹⁶. Такой решительный разрыв с местными традициями историописания уже вскоре после первого издания “*Anglica Historia*” (1534) вызвал гневные нападки со стороны патриотично настроенной английской интеллектуальной публики, обвинявшей «непатриотичного» иностранца в дерзком стремлении «обогащать британское прошлое». В частности, активные нападки такого рода содержались в писаниях королевского антиквара Дж. Лиланда, а также учёных и писателей Дж. Бэйла, Дж. Каюса, Х. Ллвида¹⁷.

В частности, рассматривая миф о Бруте, Полидор отмечал, что этот сюжет не подтверждается ни античными авторами, ни бриттскими анналами¹⁸. Рассматривая такой важный переломный момент британской

¹⁵ Гальфрид Монмутский. (<http://www.drui.ru/content/view/49/68/1/1-4/>).

¹⁶ Cobban. 2003. P. 389. Gransden. 1982. P. 436-437.

¹⁷ Калмыкова. 2010. С. 453-455. Учитывая влияние упомянутых исторических мифов в английском обществе того времени, это развенчание было, очевидно, известной смелостью со стороны Полидора. Кстати, в Англии были не редкостью ксенофобские антипатии к итальянцам, выражавшиеся, в частности, в итальянских погромах, мишенью которых, впрочем, служили обычно лавки итальянских купцов Cobban. 2003. P. 367, 369.

¹⁸ “Et id, quia lex iubet ut scriptor ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat. Est itaque in eo libro, cuiuscunque sit, Brutum filium Sylvii, quem Ascanio Aeneae filio natum constat, post Graecam peragratam devictamque Aquitaniam, monitis Dianae Britanniam cursu petiisse, et primo accessu gigantibus qui id temporis eam tenerent insulam, atque ad arcendam vim advenerum armati undique evestigio concurrissent, interfectis, eam occupasse, ex seque Britanniam appellasse, et sic demum Brutum generis Britannici atque imperii autorem extitisse, filios genuisse, ac illos deinde et gentem suam et regnum mirum in modum propagasse. Caeterum Livius, Dionysius Halicarnaseus, et plerique alii qui diligenter de antiquitatibus Romanorum scripserunt nunquam huius Bruti meminere. Neque illud ex Britannorum annalibus prodi potuerat, cum iampridem illi omnia librorum monumenta amiserint, id quod Gildas testificatur, qui circa annum salutis DLXXX claruit”. Polydore Vergil. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#19>).

истории как римское завоевание и колонизация, Полидор в целом следует линии римских историков, видевших в этом процессе органичное продолжение военных кампаний Цезаря против континентальных галлов и связывавших его со сложными политическими взаимоотношениями римских военных властей с кельтскими племенами по обе стороны Ла-Манша, в которых тактические союзы и вражда с теми или иными племенами приводили к своего рода цепной реакции, в итоге вылившейся в широкомасштабную экспансию Римской Империи на острова. При этом, войны римлян в Британии подаются в тесной связи с внутривнутриполитической обстановкой в самой Империи¹⁹. Любопытна в описании римского завоевания Британии этнографическая характеристика пиктов – одного из враждебных Риму народов, населявшего север страны; Полидор ошибочно считает их народом якобы «скифского» происхождения, прибывшим в Британию в ходе занятий пиратством²⁰. В настоящее время преобладает концепция об иберийском или кельтском происхождении этого этноса, к IX в. слившегося со скоттами в будущую шотландскую народность. Об экспансии скоттов из Ирландии и их альянсе с пиктами против романизированной части Британии Полидор, кстати, упоминает²¹.

Следующий переломный момент – англосаксонское завоевание – Полидор в целом излагает по трудам Гильды и Беды Достопочтенного, пересказывая каноничные сюжеты о распрях кельтских племён после ухода римлян с Британских островов, просьбе о помощи к римским властям в борьбе с набегами скоттов и пиктов, оставшейся без ответа, о приходе к власти вождя Вортигерна и приглашении им англосаксов в качестве федератов, о захватнических войнах последних в Британии и поражениях бриттов и, наконец, о легендарном Артуре, долго и успешно возглавлявшем кельтское сопротивление англосаксонской экспансии, потерпевшее вскоре после его смерти финальную неудачу. Эти описания красочны, насыщены захватывающими картинами сражений, походов, династических интриг и дипломатических тонкостей и совершенно не критичны. На этом фоне интересен лингвистический экскурс Полидора о происхождении этнонима “Welsh”, который в современном английском языке обозначает кельтоязычное население Уэльса (потомков бриттов), а у англо-саксов имел более широкое значение «чужой, иноязычный» (ср. др.-русс. «немец» - немой, не говорящий по-нашему)²².

¹⁹ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/2lat>).

²⁰ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/2lat.html#8>).

²¹ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/3lat.html#3>).

²² *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/3lat.html#15>).

Очередным переломным моментом в истории Англии стало скандинавское завоевание и колонизация обширных территорий страны потомками викингов, которых англосаксы называли обычно обобщённым термином «дань» (датчане), ввиду численного превосходства последних в рядах скандинавских пришельцев (хотя среди них было немало и норвежцев). Скандинавское завоевание, как и англосаксонское, произошло в два больших этапа. Во второй половине IX в. в Англию вторгались рати отдельных скандинавских вождей, сумевшие захватить значительные территории на севере и востоке страны (будущую Область Датского права), однако в X в. английским королям удалось вернуть эти территории под свою власть и в целом интегрировать скандинавских поселенцев в английское общество, благо традиции, язык и этническое происхождение англосаксов и скандинавов были сходными. В конце X в. начался второй этап скандинавской экспансии на Британские острова, связанный уже в значительной мере со становлением государственности у скандинавских народов и завоевательными войнами, свойственными молодым государствам. Этот этап завершился к 1018 г. покорением Англии Данией и воцарением на английском престоле датской династии в лице Кнута Великого, сумевшего создать, хотя и ненадолго, большую державу в составе Дании, Англии и Норвегии, просуществовавшую до его смерти в 1035 г. и затем вновь распавшуюся на отдельные государства.

Полидор начинает рассказ об этом переломном периоде в истории Англии с этноисторического экскурса, отождествляя скандинавские племена данов и готов с древними даками и гетами, населявшими в античное время северо-восточные рубежи Римской Империи. Полидор подробно рассматривает упоминаемые в трудах античных авторов многочисленные войны с этими племенами в правления разных римских императоров, и приходит к фантастическому выводу о том, что, вынужденные, ввиду своей воинственности и неуживчивости, покинуть свою прародину, эти племена осели на берегах Северного моря. Несмотря на отсутствие доказательств параллели между древними даками и датчанами, Полидор эмоционально настаивает на своей правоте, критикуя иные взгляды на вопрос (например, у Саксона Грамматика) как однозначно ошибочные и неизменно называя Данию «Дакией». Впрочем, вместе с тем он резонно отмечает причину массовой экспансии данов на Британские острова – демографический рост, от которого отставала экономика, не способная прокормить избыток населения²³.

²³ “De quo antequam plura scribamus, commodum de origine Dacorum, qui a veteribus etiam Davi vocati sunt, dicendum duxi. Ii enim sedibus egressi usque eo Anglos

aliquando latronum ritu eorum agros ac domos diripiendo, alias iure iusti belli dimicando divexarunt, dum in insula regno potiti sunt. Sed haec post loco perapposito dicentur, nunc de ipsa origine tam ferae quondam gentis disseramus. Gothi Germanicum sivi Scythicum (non enim de ea re scriptores inter se consentiunt), genus hominum ferocissimum, modo Getae, modo Daci a priscis autoribus nuncupati sunt. Ex quibus Strabo libro Geographiae septimo autor est Getas discretis sedibus diversos a Dacis habitasse, ut Daci mediterranea loca tenerent, Germaniam versus et Istri fontibus viciniore, qui olim Davi vocati sunt, Getae Pontum versus propius orientem essent. Igitur Getae et Daci videntur gens una fuisse, atque tantum sedibus separata, quando eodem teste utrisque eadem erat lingua. Iis ab Augusto pax data et, vetitique sunt Danubii limitem transcendere a quibus, haud multo post violatis finibus, duo Romani duces, primum Oppius Sabinus, deinde, Domitiano principe, Cornelius Fuscus ad eam iniuriam vindicandam missi cum omnibus copiis caesi sunt. Exegit deinde Traianus princeps eam gentem Romanis finibus atque in suas sedes compulsam vehementer afflixit. Postea Antoninus, cui Caracallae cognomen fit, cum duceret adversus Parthos exercitum, Dacos, quod parum quieturi viderentur, ex improvise adortus domuit. Et inde Gordianus Minor illos res novas molientes facile compescuit. Maiores deinde eius gentis motus secuti sunt. Enimvero Philippo principe, qui primus Romanorum imperatorum Christianus effectus est, perique immansuetarum gentium populi Romani imperii finibus tumultuose violatis, Thraciam Lysiamque maxime vexarunt. Quo quidem tempore aut non multo post, quando iam fata Romani nominis gloriam ad exitum trahebant, euismodi faeces hominum in omnes orbis partes coacto agmine eruperunt. Nam Gothi in Asiam invaserunt, Bithynia prius vastata, cum Macadoniae et bona Thraciae parte. Hanc demum barbarorum colluviem ita vagantem Claudius Secundus Romanorum princeps in Mysia propemodum ad internecionem delevit, ccc millibus hostium caesis aut captis. Nec multum uspiam quieverunt, sed postea arma moventes ab Aureliano trans Danubium uno praelio victi sunt. Atque ita demum Gothi tot cladibus aliis ex aliis affecti diu armis abstinerunt, donec postremo, obtinente orientis imperium Valente, ab Hunnis quoque victi fugatique sunt. Ii, etsi Gothi in primis fuisse dicuntur, tamen, quia nunc a veteribus, ut dictum est, Getae, nunc Daci nominati sunt, et satis omnino constat inter illos feros populos qui Gothorum ductu Romani imperii fines Philippo principe ingressi sunt, Getas et Dacos potissimum fuisse. Igitur hos Dacos seu Getas, tot cladibus affectos, finibus suos pulsos, novas sedes quaeritando ad ultimum in aquilonalem Germaniae partem sese contulisse, atque Daciam ex se dixisse ferunt. Haec pars in oceanum instar brachii humani extenta cherronesi formam habet. At ne Geticum aut Dacicum nomen a Gothico disiungeretur, insulam quoque in oceano haud longe a Dacia in arcton protensam, quam forte aut tunc aut postremo occuparunt, Gothiam appellasse traduntur. Et haec simul cum ipsa cherroneso ab eadem gente possidetur, quae, obliterato prorsus antiquae patriae nomine, ut dictum est, ex eius dominatu Dacia nuncupatur. Sane hanc quondam terram Cimbri, quos C. Marius vicit, tenuere, quam nunquam fere una gens coluit. Quo factum puto ut priscum nomen interierit. Atqui Dacia antiqua Pannoniis vicina hodie Valachia nuncupatur ex eo quod, Dacis inde expulsis et alias sedes quaeritantibus, Romana colonia illuc missa est. Nam Valach lingua eorum Italicum significat. Valachorum deinde duae factiones fuere, Dragulae et Dani. Sed Dragulae Danis impares nostrorum patrum memoria Turcas in eam terram induxerunt, qui Danos pene delevere, quos Ioannes Hunyades Matthiae regis Pannoniorum pater, restituit atque Turcis ereptos sibi nominique Christiano vindicavit. Hinc ergo cognoscamus licet qui in praesentia Daci aut Dani sunt, ut ne eos Danos appellamus qui cherronesum Cimbricam habent, cum illi etiam nunc in qua

Интересно, что в той же части повествования Полидор делает обширный экскурс в историю образования герцогства Нормандия, созданного скандинавами на захваченных у Франции землях в начале X в.²⁴ Конечно, нельзя было избежать описания исторических судеб этого государства, тесно связанного с Англией династически и политически на протяжении нескольких столетий – с середины XI, когда нормандские герцоги начали увенчавшуюся успехом борьбу за английский престол, до середины XV в., когда Нормандия была потеряна вместе с другими французскими владениями в результате поражения Англии в Столетней войне. Однако, возможно, этот экскурс был приурочен к активной внешней политике Тюдоров на континенте, одним из главных направлений которой были частые войны во Франции не без прицела на реванш за бывшее поражение; характерно, что английские короли сохраняли в составе своего титула формулу «король Франции» ещё очень долгое время после потери всякой реальной власти над французскими землями и окончательно отказались от этой формулы лишь в 1801 г.

В описании событий скандинавского завоевания отчётливо раскрываются особенности стиля Полидора Вергилия. Он полностью следует линии средневековых летописных источников, таких как, например, «Англосаксонская Хроника» или работы Саксона Грамматика, однако возмещает лаконизм, присущий монахам-хронистам, пышными, цветистыми описаниями и риторическими фигурами, свойственными ренессансной литературе. По сути, это изложение старых сюжетов в новой обёртке. В подробном изложении событий у Полидора можно обнаружить столь же мало анализа, как и у прежних хронистов. Изящная литературная оболочка и художественные красоты повествования лишь превращают прежние летописи в подобие захватывающего романа «о добродетелях и деяниях предков», чтобы эмоционально заинтриговать

Valachia sint, sed Dacos, qui patriis sedibus eieci in eam peninsulam se ad extremum contulerunt. Quod verum esse vel illud declarat, quod eius regionis dominus non se Danorum sed Dacorum regem vocitat, uti ex illius diplomatibus liquido constat. Quare scriptores illi dubio procul errant qui in suis historiis eiusmodi oceani accolae Danos pro Dacis ponunt. In hac haeresi cum primis est Saxo Grammaticus eius gentis recens rerum gestarum scriptor, si codex formis excusus non est mendosus. Quocirca ne nos in eadem erroris nave versaremur, non libuit tales in hac parte sequi auctores. Sed ad inceptum redeamus. Haec itaque gens ferox, quae Germanicum nunc oceanum accoluit, quaque trans Istrum olim sedes habuit, cum domi in dies magis magisque multitudine suorum premeretur, tandiu Anglos (haud enim Dacia longo oceani maris intervallo ab Anglia abest) armis divexavit donec subegerit. Haec summam de Dacorum origine²⁴. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/5lat.html#3>).

²⁴ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/5lat.html#8-10>).

образованного читателя; но в этом нарративе нет ни малейшего намёка на рациональное препарирование связей, обуславливавших те или иные события. Всё происходит по субъективной воле правителей и высшей элиты, вся история государств у Полидора в основном есть история взаимоотношений представителей этой элиты, ристалище для проявления ими тех или иных качеств своей натуры, совершения поступков, «деяний», героических или злодейских, вероломных или праведных. Начало войн или заключение мира диктуются субъективными желаниями королей, заговоры против трона, краткие жития святых или кадровые перемены в локальной администрации как бы разнообразят повествование, создавая фон для «деяний» главных героев и паузы между ними, а народ как таковой является просто коллективным статистом. Таким образом, если перефразировать известное высказывание основателей школы «Анналов», история страны у Полидора – это по преимуществу «история королей, которые её создали», и в этом смысле его труд представляет собой как бы золотую середину между сочинениями средневековых хронистов и официальной «династической» историографией государств Нового времени, господствовавшей вплоть до XIX в.

Всё сказанное в полной мере относится и к описанию Полидором следующего важного переломного момента в истории Англии – нормандского завоевания, завершившего череду иноземных вторжений, которые на протяжении уже тысячелетия являлись важнейшим фактором складывания государственности в Британии. Нормандское завоевание завершило этот процесс, как завершило и наполнение этнического «плавильного котла», из которого к XIV в. вышла английская народность, впитавшая в себя, таким образом, доиндоевропейский, кельтский, англосаксонский, скандинавский и французский этнические субстраты. Однако в труде Полидора нормандское завоевание Англии в ещё большей степени, чем прежние волны экспансии различных племён и народов в Британию, изображается скорее как междинастическая распря, возникшая в целом довольно случайно. Полидор сдержанно относится к противоборствовавшим сторонам, не выказывая сколько-нибудь заметных симпатий ни к нормандскому герцогу Вильгельму Завоевателю, ни к его противнику Гарольду Годвинсону, пришедшему к власти после кончины Эдуарда Исповедника в 1066 г. Следуя традиционной линии нормандских и англо-нормандских хронистов XI–XII вв., Полидор кратко пересказывает сюжет о якобы имевшем место обещании Эдуарда передать наследование английской короны Вильгельму ввиду своей бездетно-

сти²⁵. Вместе с тем, в отличие от них, он практически не упрекает Гарольда в узурпации престола, лишь констатируя факт, что тот захватил его, пользуясь своей влиятельной позицией в государстве и вакуумом власти, сложившимся ввиду отсутствия дееспособных претендентов на престол в самой Англии, к тому же с молчаливого одобрения самих англичан, которых Гарольд вполне устраивал как хороший правитель²⁶.

Дальнейшие события 1066 г. представляются всего лишь борьбой двух государей за престол, в которой на первое место опять-таки выходят их «доблести» и «деяния», а не скрытые пружины этого сложного процесса. В предисловии к книге IX, повествующей о правлении Вильгельма Завоевателя, Полидор морализирует о причинах завоеваний и власти в целом. По его мнению, такой причиной является человеческая жажда власти, логически проистекающая из библейской предпосылки о том, что Бог даровал Землю и всё сущее людям²⁷. Таким образом, борьба

²⁵ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/8lat.html#7>).

²⁶ “At Edouardi mors valde suspensos dubiosque tenebat regni principes, quippe qui nesciebant cui illud regnum munus deferrent. Enimvero non erat quisquam unus omnium regendo regno aptus qui id iure obtineret, tametsi Edgarus cognomento Ethelyngius, genitus ab Edouardo filio Edmundi, cui cognomen fuit Ferreum Latus, per eos dies una cum matre et sororibus ex Pannonia, ubi natus fuerat, in Angliam venerat. Sed is puer id aetatis nondum regno gubernando maturus erat. Item territi multis oraculis, quae suspicabantur portendere regni mutationem, mirum in modum formidabant ducem Gulielmum, tum quod Normanus, tum quod praedicabat sibi regnum iure evenire, ut legitimo haeredi ab Edouardo instituto, propterea quod illum secundo et tertio generationis gradibus attingeret. Nam Ricardus Primus dux Normaniae genuit ex se Ricardum Secundum et Emmam. Haec ex Etheldredo Angliae rege sustulit Edouardum. Ille filios suscepit Ricardum Tertium et Robertum, qui Gulielmum creavit ex concubina. Dum haec animo optimates agitant, Haraldus Goduini filius ex sorore Canuti, genere et viribus fretus se regem renuntiat. Non displicuit omnino id factum populo, qui plurimum spei in Haraldi virtute habebat. Itaque more maiorum sacratum est ab Aldredo Eboracensi archiepiscopo seu, ut quidam tradunt, seipsum nullis caerimoniis diademate ornavit. Fuit hic annus salutis humanae MLXVI. Is statim initio sui regii principatus, memor se per vim regnum occupasse, ad promerendam suorum benevolentiam neque liberalitate neque clementia nec comitate utendi ullam occasionem omittebat, qui graviora vectigalia aut sustulit aut minuit, militibus stipendia, ministris mercedem adauxit”.

Polydore Vergil. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/8lat.html#10>).

²⁷ “Homini causa (ut ait Plinius), videtur cuncta genuisse natura. Ita nempe est, quicquid apud mortales possideri potest humanum est, nec interest quales sint homines, boni vel mali, summi vel infimi, cuncti promiscue cuncta habent, non singuli tamen cuncta, licet tanta omnibus innata sit habendi cupiditas ut singuli, si fieri posset, omnia possidere vellent. Hinc magnum inter mortales certamen ortum est ut pro se quisque quam avidissime studeat plus habere. Sed, ut caetera omittamus, regnandi in primis omnibus est immensa libido, nec quo modo homines huiusce spei compotes fiant quicquam pensi habent. Unde Caesar, Euripidis versus usurpans, dicere solebat, Si violandum est ius, imperii gratia violandum est, aliis rebus pietatem colas. Quo factum est ut imperia ipsa

за власть есть крайнее выражение стремления человека к обладанию теми ресурсами, которые Бог предоставил ему, и это стремление не связано с праведностью или греховностью стремящегося, а имманентно присуще людям. Это представляет собой любопытный пример того, как ренессансные мыслители пытались сочетать теологическую аргументацию с исследованием естественной природы человека и его побуждений.

Описывая противостояние англосаксов и новых нормандских владетелей страны после битвы при Гастингсе и коронации Вильгельма Завоевателя, Полидор видит главную проблему не в этническом и социальном конфликте победителей и побеждённых, а в сфере права, критикуя новые законы, введённые в Англии пришельцами и отмечая, что они «были выгодны не столько управляемым, сколько правителям»²⁸. По мнению Полидора, они в целом были шагом назад по сравнению с

magnaue regna semper praedae exposita fuerint, et illa saepius tam ignobiles quam nobiles, seu malis seu bonis artibus quaesita, obtinuerint. Quae omnia cum notiora sint quam ut hoc loco sint explicanda, idcirco particulatim commemorandi labore consulto supersedemus. Quare profecto summae stultitiae est dicere aut credere regna et imperia necesse ad illos duntaxat perveniant qui nobilitatem iactare possint, cum videamus quotidie novos homines non modo virtute sed bene multis saepe vitis praeditos ad magnos honores atque imperia perduci. Ita Deo placitum est ut nos nostra eiusmodi bona hoc non pluris faciamus quo magis communia eadem omnibus et nemini perpetua esse videmus. Obnoxium fuit et huic humanae varietatis sorti Britannorum quoque regnum, quod primum Romani, uti demonstratum est, sibi armis acquisivere tenuerunt diu; deinde Angli invaserunt ac ad ultimum delata cum nomine Britannico fere gente devictum possidere; quod deinde usque eo variis casibus est agitatum dum summa imperii ad unum pervenit. Erat per hunc modum regnum Anglicum omnibus formidolosum, cum sensim fatalis varietas mutandi possessoris accidit. Porro haud ita multo post sub Dacorum iugum redactum est, quo post quinque et viginti annos cervice depulso, in pristinum rediit statum; cui tamen ne tum quidem quiescere licuit, nam cum tandem aliquando moribus et legibus optime institutum iam passim floreret, ecce tibi, in saevam humanae sortis necessitatem iterum repente inclinatur, in Normanorum potestatem cecidit. Haec gens a Dacia oriunda, ferox statim tanto regno potita mores optimos, leges sanctissimas, divina humanae vertere, ac denique genus ipsum Anglicum perdere conata est. Quod tamen ista vis in eo mitior minusque infesta visa est, quia quantum in eiusmodi rebus regno ademit, tantum in amplificando retinendoque imperio reddidit. Unde ad extremum, obliterato nomine Normanico, paulatim Anglicana res reviviscere coepit ac sibi restituta est. Talis rerum series iam hinc nobis explicanda est usque ad nostra tempora, si mihi id facere licuerit, quibus pace terra marique parta Henricus Octavus regnat, si tamen illud prius admonuero, me deinceps esse librorum numerum ad vitas regum accommodaturum, facturumque initium hic a Gulielmo Normano, qui ut victor pro suo arbitratu regnum Anglicum de integro instituit”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/9lat.html#pr1>).

²⁸ Verum tantum abfuit ut omnes Normannicae leges abrogatae sint ut etiam bene multis ne derogatum quidem sit, utpote quae ex usu magis principis quam populi essent”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/9lat.html#4>).

законодательством прежних «святых» королей англосаксонской эпохи (Эдуарда Исповедника, Эдгара, Альфреда), которое якобы в большей степени отражало интересы населения страны. В этом Полидор видит одну из главных причин ожесточённых вооружённых столкновений между нормандцами и не желавшими покоряться им англосаксами, описывая восстания англосаксов против новой власти по материалам старых английских хроник. Отмена же несовершенных «нормандских» законов в первой половине XII в. и частичный возврат к прежним, «старым добрым» законам логически видятся Полидору залогом сглаживания англо-нормандского конфликта и установления стабильности²⁹. Таким образом, он фактически игнорирует позитивную роль значительных государственных преобразований, проведённых Вильгельмом Завоевателем, способствовавших укреплению королевской власти в Англии и превращению последней в одно из наиболее стабильных и централизованных государств в истории средневековой Европы. Хотя в труде Полидора упоминаются и «Книга Страшного суда», и другие мероприятия нормандской власти в сфере совершенствования системы государственной администрации, и успешная борьба с внешними противниками, которые часто являлись союзниками англосаксонской эмиграции, все эти мероприятия выглядят как частные случаи, не сводимые к какой-либо систематичности и общей цели. История правления Вильгельма Завоевателя в конечном счёте сводится (как и главы о предыдущих правителях Англии) к известной со времён Светония схеме жизнеописания правителей, в которой центральное место занимают личные качества героя повествования и его взаимоотношения с окружающей элитой и политическими партнёрами, а не контекст истории государства как таковой.

Следующие значительные вехи в английской истории, мнение историка о которых видится важным в свете их судьбоносности для развития государства, это, несомненно, события XIII в., которые можно считать переломными не только в контексте их непосредственного влияния на английскую государственность в Средние века и начало перехода к эпохе сословно-представительных монархий, но и потому, что они являются своеобразными маркерами исторической памяти британцев, предметом национальной гордости, особенно после того, как усилиями историков XIX в. стали неотъемлемой частью национального мифа, идей исключительности и прогрессивности британской нации, ее опережающей роли по сравнению с другими народами в деле становления современной демократии. Такими событиями являются, конечно,

²⁹ Ibidem.

принятие Великой Хартии вольностей и основание английского Парламента, произошедшие в результате двух крупных внутрианглийских смут, разделённых по времени полувековым промежутком.

Что касается Великой Хартии вольностей, то историю её появления Полидор описывает довольно скупо, как результат обычного заговора крупных феодалов против короны, в свою очередь являвшегося следствием целого клубка конфликтов, сопровождавших царствование Иоанна Безземельного (1099–1216). Неудачная внешняя политика, проигранные войны во Франции и потеря там английских владений, затянувшийся на долгие годы конфликт с папским престолом, многочисленные неэтичные поступки короля по отношению к представителям аристократии, частые случаи произвола и беззаконий в отношении населения – всё это привело к бунту, в описании хода которого фигурирует петиция заговорщиков-аристократов к королю о соблюдении законности, но упоминания о ней единичны, а содержание не раскрывается³⁰. Таким образом, Хартия предстаёт малозначительным документом и плодом стихийно возникшего недовольства феодалов политикой Иоанна. Неизмеримо больше внимания Полидор уделяет конфликту Иоанна с папой Иннокентием, что вполне понятно, учитывая вехи карьеры Полидора в папском аппарате. Что же касается Великой Хартии вольностей, она, по-видимому, расценивается как спонтанный продукт феодального мятежа, без того идеологизированного, фундаментального значения, которое придали ей более поздние историки Нового времени.

История возникновения английского Парламента у Полидора также вытекает в основном из перипетий внешней политики, проводившейся королём Генрихом III (1216–1272), а не из внутренних потребностей английского общества. Парламент у него возникает стихийно, как совет (*concilium*) феодалов, вступивших в конфронтацию с королём из-за того, что Генрих допустил массовый приток в страну знатных выходцев из французских земель английской короны, в основном из Пуату³¹. Засилье французов при дворе и их наглое, алчное поведение якобы создавали в глазах английской знати угрозу конкуренции вокруг власти и связанных с ней богатств, что, в свою очередь, побудило английских феодалов к отстаиванию своих позиций перед короной и вылилось в очередную смуту. Столкнувшись с давлением со стороны возникшего таким образом Парламента, вынуждавшего короля взять на себя обязательства по соблюдению законности и выдворению французских пришельцев из

³⁰ Polydore Vergil. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/15lat.html#21>).

³¹ Polydore Vergil. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#30>).

страны, Генрих стал опасаться за полноту своей власти, не желая её ограничения Парламентом, и развязал вооружённый конфликт, приведший в конечном счёте к военному поражению феодальной оппозиции³².

Описывая данный конфликт, Полидор красочно излагает подробности военных кампаний, делая пространные зарисовки подвигов действующих лиц на полях сражений с истинно эпическим размахом, достойным рыцарских романов. Он не выказывает симпатий и антипатий, прославляя героические деяния представителей обеих враждующих сторон. Например, в описании битвы при Льюисе, окончившейся поражением королевской армии, он уделяет внимание воинским подвигам как предводителей оппозиции, так и королевских сил (в частности, наследника престола принца Эдуарда)³³. При этом он не вдаётся в подробности политических требований оппозиции, отмечая лишь абстрактную «борьбу за свободу» или «законность», «угодные народу»³⁴.

Таким образом, становление Парламента в Англии в труде Полидора видится опять-таки как спонтанный результат «деяний» героических личностей, представителей высшей элиты, при поддержке «массовки» в лице вооружённых контингентов их сторонников. История творится героями-одиночками, ведущими за собой своих приверженцев, и служит ристалищем для проявления «доблестей», «деяний».

Наконец, важное место в труде Полидора занимает исследование возникновения того политического режима, который ангажировал его

³² *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#31-33>).

³³ “Hos Edouardus princeps a longe ubi vidit (illos enim speciatim peius reliquis omnibus oderat, quod Aleonoram matrem paucis ante diebus e turri egressam convitiis et sibilis consecrati fuissent), inflammatus ira concitat calcaribus equum atque, dato signo ut se sui milites sequantur, cursum in eos dirigit, clamitando “In haec miles seditionum scelerumque omnium capita nunc fortiter adiecito tela.” Londinenses, ut gregarii milites, impetum invadentium non tolerant, sese in fugam conferunt. Insequitur avide Eduardus, passimque caedem ingentem facit. Verum cum ita caedendo hostem temere a suis longe abisset, pulcherrimam victoriam de manibus amisit. Atque ita ab ira et furore ut nihil unquam honesti, sic haud quicquid utilitatis proficiscitur. Nam ubi Simon animadverterit Edouardum ferocem iuvenem cum robore militum persequi Londinenses, quibus ipse ob imperitiam militaris disciplinae parum confidebat, tum maiore animo suos cohortatus hostem premit atque uno momento fundit. Rediit interim ad suos victor Edouardus, sed cum inclinata iam esset acies, eam ad certamen revocare nequivit. Henricus, confosso ex utroque latere equo, capitur cum Ricardo fratre et Edouardo filio atque aliis ducibus. Caeteri partim caesi, et in iis tres comitis Marchiae filii, partim pulsati fugatique sunt. Non nemo tradit Edouardum non fuisse tunc captum, sed postea una cum Henrico filio Ricardi obsidum nomine in hostium potestate venisse, quo illi vitae Henrici patris ac Ricardi patris parcerent. Sex millia hominum et quingentos ex regio exercitus desideratos tradunt annales”. *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#32>).

³⁴ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/16lat.html#31-33>).

самого для написания этого исторического труда – а именно, войны Роз и приход к власти самих Тюдоров. Поскольку эти сюжеты достаточно подробно рассмотрены в статье Е.Г. Пивоварова, вряд ли имеет смысл останавливаться на деталях; следует лишь отметить, что, во-первых, как и в случае с гражданской войной, приведшей к возникновению английского парламента, Полидор увязывает начало войн Роз не столько с внутренними проблемами английского общества, сколько с неудачами и перипетиями внешней политики Англии на континенте, в частности – с поражением в Столетней войне и междоусобными распрями в среде высшей английской аристократии. Довольно незаметно описание кампаний Столетней войны перетекает в описание войны внутри государства, как будто войны Роз видятся автору продолжением войны во Франции (что, вероятно, было отголоском вековой англо-французской вражды, продолжавшейся после Столетней войны как во время войн Роз, в которые Франция вмешивалась на стороне Ланкастеров, так и во времена первых Тюдоров). Во-вторых, Полидор поначалу не выражает каких-либо симпатий к той или иной противоборствующей стороне. Обе сражающиеся за власть династии – Йорки и Ланкастеры – выглядят в его книге почти одинаково, те или иные их предводители демонстрируют как негативные, так и позитивные личные качества. Например, он положительно оценивает Эдуарда IV Йорка (1460–1483), пришедшего к власти в результате победы над Ланкастерами, за энергичную борьбу с внешними и внутренними противниками, демократизм характера, заботы о законодательстве и о благе народа³⁵.

Вместе с тем, судя по всему, именно Полидору Вергилию принадлежит авторство «чёрной легенды» о Ричарде III, которая не без помощи Томаса Мора, знакомого Полидору по лондонскому кружку гуманистов, перекочевала затем в официальную тюдоровскую пропаганду и в пьесы Шекспира, закрепив в массовом сознании вплоть до наших дней демонический образ узурпатора, морального и физического урода, пришедшего к власти по трупам родственников, посредством гнусных интриг, заговоров и насилия. Следует отметить, что достоверность сведений о деяниях Ричарда довольно сомнительна, поскольку Полидор использовал в качестве источника информации в основном устные высказывания по данному вопросу высокопоставленных государственных чиновников, выражавших официальную точку зрения правящей династии Тюдоров, по понятным причинам предполагающую очернение вчерашнего про-

³⁵ *Polydore Vergil*. (<http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/24lat.html#2>).

тивника, к тому же не имеющего возможности её опровергнуть³⁶. В противовес Ричарду III, положительный образ у Полидора приобретают его покровители Тюдоры, победители узурпатора, выведшие страну из бедствий многолетних междоусобиц на путь стабильности и процветания³⁷. Войны Роз Полидор вполне в духе средневековых хронистов рассматривает как божью кару за переворот 1399 года, в ходе которого Ланкастеры свергли последнего короля из династии Плантагенетов Ричарда II. Приход же Тюдоров к власти является как бы актом божественного спасения страны. Можно сказать, что чем ближе Полидор подходит к правлению Тюдоров, тем больше тон его повествования смещается от непредвзятой объективности в сторону предвзятой политизированности³⁸.

Путь «Английской истории» Полидора Вергилия через последующие века не был лишён тернистости. Если её первое издание подвергалось нападкам «патриотов» за развенчание средневековых мифов об античных корнях британской монархии и о рыцарях Круглого Стола, то королевская Реформация, стартовавшая в 1534 г., и рост антикатолических и, как следствие, антиитальянских, антиримских настроений в английском обществе, вызвали критику иного характера – за «наполнение английской истории римской ложью и итальянским жульничеством», что отражало актуальную антикатолическую риторику³⁹. Подобная риторика, отчасти помноженная на ксенофобские настроения, нашла отражение в произведениях авторов второй половины XVI в., таких как Г. Сэвил, У. Уорнер, Р. Холинshed и др. Все они в той или иной степени отстаивали устаревшие этногенетические мифы, вроде сюжетов о Бруте или короле Артуре, эмоционально обвиняя Полидора в покушении на святыни национального самосознания⁴⁰. Однако труд Полидора в целом выполнил те задачи, которые ставили перед ним его заказчики и покровители – Тюдоры. Это было первое историческое произведение, охватывавшее историю страны от древних времён до современности и соответствовавшее новоевропейским традициям гуманитарного дискурса, пришедшим вместе с Ренессансом и гуманизмом. С этой точки зрения, для своего времени «Anglica Historia» Полидора Вергилия была достаточно критичным и объективным произведением⁴¹. Она служила образцом для подражания более поздним ренессансным английским истори-

³⁶ Пивоваров. 2001. С. 37.

³⁷ Gransden. 1982. P. 439-440.

³⁸ Cobban. 2003. P. 365.

³⁹ Cobban. 2003. P. 369.

⁴⁰ Калмыкова. 2010. С. 455-457.

⁴¹ Cobban. 2003. P. 365, 390.

кам (в том числе критикам Полидора), таким как Э. Холл, Р. Холиншед, У. Кемден, Дж. Стоу, развивавшим национальное историописание.

Кроме того, она создавала необходимый Тюдорам легитимизирующий миф, должный идеологически обосновать их восшествие на престол и стабильное правление новой династии.

Наконец, работы Полидора и ему подобных авторов чуть более позднего времени фактически сформировали новое, модернистское осмысление национальной истории вплоть до второй половины XIX в., отражая складывающийся европейский национализм Нового времени и апеллируя именно к его потребностям, которым уже были тесноваты рамки средневековой хронистики с её религиозным детерминизмом и некритическим пересказом архаических народных преданий⁴².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., Квадрига, 2010. 664 с. С. 446-457.
- Пивоваров Евгений Григорьевич. Придворный историк Генриха VII о приходе Тюдоров к власти (Полидор Вергил у истоков тюдоровской историографии). // История и историография: зарубежные страны: Межвуз. сб. науч. тр. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2001. С. 35-43.
- Cobban, Allan B. Polidore Vergil Reconsidered: The Anglica Historia And The English Universities. // Viator: Medieval And Renaissance Studies. Vol. 34 (2003). P. 364-391.
- Gransden, A. Historical Writing In England. Vol. 2. C. 1307 to The Early Sixteenth Century. London: Routledge and Kegan Paul, 1982. P. 434-441.
- Гальфрид Монмутский. История бриттов. URL: <http://www.drui.ru/content/view/49/68/1/0/>
- Polydore Vergil. Anglica Historia. (1555 version). A hypertext critical edition by Dana F. Sutton, The University of California, Irvine. Posted August 4, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/>

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

⁴² Пивоваров. 2001. С. 36, 43.